

На правах рукописи

Коберник Любовь Николаевна

**ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОЙ
ДИАЛЕКТНОЙ МЕТАФОРЫ
(на материале говоров Среднего Приобья)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре русского языка и литературы ГОУ ВПО «Томский политехнический университет».

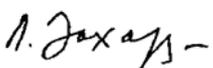
- Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор Зоя Ивановна Резанова
- Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор Елена Андреевна Юрина
- кандидат филологических наук,
доцент Людмила Викторовна Колпакова
- Ведущая организация - ГОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 9 марта 2007 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет».

Автореферат диссертации разослан « 8 » февраля 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, профессор

 Л.А. Захарова

Диссертационное исследование посвящено анализу метафорических выражений, репрезентирующих эмоциональную сферу человека, как когнитивных метафорических моделей и реконструкции фрагмента языковой картины мира, объективированной в говорах Среднего Приобья.

Актуальность исследования обусловлена рядом изменений, произошедших в системе научных направлений за последние десятилетия.

В сфере гуманитарных наук появляется все больше работ, решающих задачи междисциплинарного характера, в лингвистических исследованиях интегративная тенденция выражается в повороте от лингвоцентрической установки к антропоцентрической, рассматривающей язык как неотъемлемую органическую часть человеческого сознания, культуры, жизни человеческого духа.

Тематика работы находится в сфере проблемного поля важнейших областей современной лингвистики:

- **КОГНИТИВИСТИКИ** – направления, связанного с изучением когнитивных моделей, стоящих за теми или иными языковыми единицами, с преимущественным вниманием исследователей к содержанию и средствам языкового воплощения базовых концептов, в число которых входят и эмоциональные концепты;

- **метафорологии** – современной теории метафоры, рассматривающей метафорическую номинацию не только как специфично семантически структурированный лексический и стилистический объект, но и как лексическую единицу, объективирующую результаты особых ментальных механизмов отражения и интерпретации внеязыковой действительности;

- **лингвистики эмоций (эмотиологии)** – науки о «вербализации, аккумуляции, структуриации и межпоколенной трансляции знаний об эмоциях, зафиксированных в языке» (В.И. Шаховский, 2001), для которой особое значение имеет когнитивный фактор реализации эмоциональных концептов;

- **диалектологии** - науки о территориальных разновидностях национальных языков.

Современные лингвистические исследования направлены на поиск внешних детерминаций внутренних закономерностей языка: исследователи стремятся выявить «посредническую» функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью и показать, что язык несет отпечаток человеческих способов освоения реальности и в то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, воплощением наивной (языковой) картины мира, накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком – восприятие «сквозь призму языка».

Антропоцентрическая тенденция современной лингвистики, выражающаяся в изучении языка как части духовной культуры человека, предопределила интенсификацию научных разработок в области изучения эмоций в лингвистическом аспекте (Н.Д. Арутюнова, В.Ю. Апресян, Ю.Д.

Апресян, Л.Г. Бабенко, С.Г. Воркачев, Н.В. Дорофеева, Н.А. Красавский, Е.Ю. Мягкова, Д.А. Романов, Т.А. Трипольская, В.И. Шаховский и др.).

Эмоции сами по себе не являются языковыми феноменами, но их значимость для человека обуславливает существование «языка эмоций», служащего для отражения внутреннего мира человека.

Чувства и эмоции репрезентируются в языке преимущественно единицами вторичной номинации, посредством метафорического уподобления объектам других структур: основой обозначения эмоций является переосмысление реальных (физических и практических) действий и процессов и перенос конкретных наименований в область психической деятельности человека.

Анализ метафорических выражений, в которых репрезентируется эмоциональная сфера, «обнажает» лингво-когнитивный механизм деятельности человеческого сознания: «наблюдения над метафорическими описаниями обнаруживают существование скрытых связей между различными феноменами мира, открывают для человека новые знания об окружающей его действительности, его внутреннем мире» (Н.А. Красавский, 2001).

Современная когнитивистика (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Е.В. Рахилина и др.) рассматривает метафору как основную ментальную операцию, способ познания, структурирования и объяснения мира. В работе **метафора** понимается достаточно широко: как когнитивный феномен – один из основных способов миромоделирования, воплощенный в языковых структурах, характеризующихся семантической двуплановостью. В качестве метафорической рассматривается любая языковая структура, «обозначающая некоторый класс предметов, явлений и т.п.» и используемая «для характеристики или наименования другого класса объектов» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990). В сферу исследования вовлекаются: метафорические ЛСВ – *поразить* (‘удивить’), *шевелить* (‘тревожить’), *трястись* (‘бояться’), метонимические ЛСВ – *шуметь* (‘веселиться’), морфологические дериваты, имеющие метафорическую внутреннюю форму – *вспетушиться* (‘внезапно прийти в раздражение, стать задиристым, как петух’), *скрытаться* (‘в раздражении начать бранить, обвинять в чем-л.’). В сферу анализа также включаются устойчивые выражения, обладающие метафорической внутренней формой и выражения, исходное значение которых складывается из прямых значений составляющих их лексем: *напримать горя* (‘испытать душевные страдания’), *сердце плачет* (‘кто-л. испытывает душевное сострадание, чувство тоски’), *ударил тоска* (‘сильно затосковать’). В исследовании мы опираемся на трактовку этого явления, представленную в работах Л.И. Ермоленкиной, Н.А. Мишанкиной, З.И. Резановой, А.П. Чудинова. Такая трактовка коррелирует с интерпретацией лексических образных единиц,

представленной в работах исследователей Томской диалектологической школы О.И. Блиновой и Е.А. Юриной.

Под **метафорической моделью** нами понимается ментальная схема уподобления явлений одной понятийной сферы объектам, ситуациям других понятийных сфер человека, отражаемая на языковом уровне как взаимодействие типа исходной семантики, типа результативной семантики и метафорического основания, реализованное в лексических и лексико-фразеологических единицах.

Мы **предполагаем**, что в сознании человека эмоциональные состояния (ЭС) существуют как образные представления в виде определенных когнитивных схем, репрезентирующих базовые эмоциональные ситуации. Когда человек описывает свои переживания или переживания третьих лиц, образные когнитивные сценарии эмоций активизируются и реализуются в метафорических словах и выражениях.

В настоящее время в области изучения лингвистики эмоций:

- описана теоретическая и практическая значимость изучения чувств и эмоций как феноменов человеческого сознания в рамках современной когнитивной лингвистики (О.О. Будянская, Е.Ю. Мягкова, 2002; А. Вежбицкая, 1996, 1999; Е.М. Вольф, 1985, 2002; Дорофеева Н.В, 2002; С.В. Ионова, 2000; Е.Ю. Мягкова, 1998; Т.А. Трипольская, 1999; В.И. Шаховский, 2000, 2001, 2002; В.И. Шаховский, В.В. Жура, 2002 и др.);

- рассмотрены основные эмоциональные концепты: счастья (С.Г. Воркачев, 2004), любви (С.Г. Воркачев, 1995; Ю.С. Степанов, 1997), удивления (Н.В. Дорофеева, 2002), радости и удовольствия (А.Б. Пеньковский, 1991), страха, радости, печали (Ю.С. Степанов, 1997; Н.А. Красавский, 2001);

- исследованы подсистемы ассоциаций эмоциональных состояний с пространственными характеристиками, со стихийными природными силами, с физическими свойствами предметов (Н.Д. Арутюнова, 1999; Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, 2000; Л.Н. Иорданская, 1970, 1972; Е.К. Лебедева, 1991);

- на материале литературного языка лексикографически описаны чувства и эмоции человека в соответствии со сценарием возникновения и развития эмоциональных состояний, в котором находит отражение семь систем, из функционирования и взаимодействия которых складывается поведение человека (восприятие, физиология, моторика, желания, интеллект, эмоции, речь) (Ю.Д. Апресян, 1995; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, 2000);

- рассмотрены семантические типы «эмоциональных» метафор (физиологические, когнитивные, культурные) в аспекте выявления характера соответствия между объектом (эмоции) и источником (физические состояния) метафоризации (В.Ю. Апресян, 2005).

Вместе с тем, по нашим данным, до сих пор не была описана **система** метафорических представлений о чувствах и эмоциях на основе анализа

переосмысления целостной эмоциональной ситуации, включающей в себя «фазы» **каузации, пребывания в ЭС, проявлений**, в составе каждой из которых, в свою очередь, находит отражение обозначение конститuentов ситуации (субъект каузации, причина состояния, собственно ЭС, объект состояния, поведенческие и звуковые проявления эмоций).

Изучение вербализованных представлений об эмоциональной сфере человека как фрагмента этнического варианта русской языковой картины мира через призму метафорического моделирования является логическим продолжением и развитием исследований предшествующего периода и позволяет реконструировать когнитивные метафорические модели чувств и эмоций в языковой системе говоров Среднего Приобья.

Актуальность заявленной проблематики определила выбор объекта и предмета исследования.

Объектом исследования является метафорический фонд лексической системы среднеобских говоров.

Предмет исследования – когнитивные метафорические модели чувств и эмоций, реализованные в системе метафорических номинаций говоров Среднего Приобья. *Единицей анализа* выступает многозначное слово или устойчивое выражение с метафорическим значением, в результативном значении репрезентирующее эмоциональную сферу человека.

Цель работы состоит в реконструкции когнитивных метафорических моделей эмоциональных состояний, реализованных в системе метафорических номинаций среднеобских говоров и выявлении особенностей восприятия чувств и эмоций.

Достижение цели предполагает решение ряда конкретных **задач**:

- 1) охарактеризовать особенности семантики наименований чувств и эмоций;
- 2) разработать методику, наиболее эффективную для анализа метафорических смыслов и выявления метафорических моделей эмоциональных состояний;
- 3) описать метафорические смыслы лексических единиц, репрезентирующих чувства и эмоции;
- 4) определить систему образов и представлений исходной семантики, сквозь призму которых метафоризируются конститuentы лексикализованных эмоциональных ситуаций и эмоциональных состояний в целом;
- 5) реконструировать когнитивные метафорические модели доминантных чувств и эмоций;
- 6) на основе анализа совокупности метафорических значений, созданных в результате образного переосмысления единиц с семантикой эмоциональной сферы, проинтерпретировать представления о чувствах и эмоциях в говорах Среднего Приобья.

Описание системы метафорических значений было осуществлено на основе **материала**, извлеченного методом сплошной выборки из следующих словарей: Вершининский словарь (Т. 1–7; 1998–2002); Полный

словарь сибирских говоров (Т. 1–4; 1992–1995 гг.); Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья (1977); Словарь образных слов и выражений народных говоров (1997; 2001); Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья (Т. 1, 1982; Т. 2; 1983); «Словарь старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби» и дополнения к нему (1964 – 1986). В качестве источников материала также привлекались данные картотек, хранящихся на кафедре русского языка ТГУ, а также Словаря русских народных говоров (Вып. 1-34, 1965–1999); Словаря русских говоров Сибири (Т. 1,2; 1999). В качестве дополнительных источников использовались материалы, представленные в монографиях: Е.В. Иванцовой «Феномен диалектной языковой личности», 2002; Т.А. Демешкиной «Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики», 2000.

Объем материала составляет около 500 лексических и лексико-фразеологических единиц, всего было проанализировано около 1300 контекстов.

Научная новизна исследования состоит в том, что

1) впервые методика когнитивного анализа метафорического моделирования применена к анализу лексических и лексико-фразеологических единиц со значением чувств и эмоций:

а) метафоры чувств и эмоций проинтерпретированы в соответствии с лексикализованными ситуациями, репрезентирующими прототипический сценарий эмоционального состояния (*причина – состояние – проявление*);

б) метафорическая лексика, обозначающая эмоциональную сферу, представлена как система метафорических образов;

в) репрезентация чувств и эмоций рассмотрена в виде когнитивных метафорических моделей;

2) впервые описан фрагмент языковой картины мира чувств и эмоций, представленный метафорическими лексическими и лексико-фразеологическими единицами среднеобских говоров.

Теоретическая значимость исследования определяется ее вкладом в диалектную лексикологию, семасиологию, этнолингвистику и когнитивистику. В рамках общего метода семантического моделирования в диалектах (подход Н.И. Толстого) анализ метафорической репрезентации эмоциональной сферы в среднеобских говорах и его результаты в виде метафорических моделей чувств и эмоций могут явиться основой для сравнения с концептуализацией этой сферы в других диалектных системах, а также могут быть применены в исследованиях, направленных на сравнительный анализ разных языковых систем (литературной и диалектной) и в работах, посвященных феномену «языковой личности». Исследование метафорической номинации эмоциональной сферы как механизма выявления культурно значимых, концептуально реализованных смыслов, а также описанная методика метафорического переосмысления эмоциональной ситуации как проекции

результативной и исходной семантики - всё это является вкладом в разработку проблем когнитивной лингвистики, эмоциональной концептологии и эмотиологии. Результаты анализа и описания метафорических представлений об эмоциональной сфере «проливают свет» на суть чувств и эмоций как явлений физиологии и психологии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные могут быть применены при разработке курсов по диалектной лексикологии: реконструкция представлений об эмоциональной сфере позволяет глубже понять основы крестьянского мировидения, ценностную картину мира носителя языка, способствуя комплексному рассмотрению таких вопросов, как язык и поведение человека, язык и система ценностей, язык и психология, язык и культура. Результаты исследования могут быть применены в области лексикографии (в качестве материала для словаря метафор и сравнений сибирских говоров фрагмента «человек»).

Методы исследования

Работа строится на принципиальном сочетании методов и приемов системно-структурного анализа (компонентный, дистрибутивный анализ) и методов когнитивной лингвистики, направленных на выделение функционально значимых компонентов прямого (исходного) и метафорического (результативного) значений и выявление скрытых семантических смыслов, задействованных в процессе метафоризации. Использовались приемы когнитивного анализа, направленные на изучение ментальных моделей, существующих в сознании человека и выраженных посредством языка. Рассмотрение процесса метафоризации как корреляции объектов исходной и результативной семантики предопределило обращение при описании метафор чувств и эмоций к пропозитивному подходу, направленному на выявление в высказывании логико-смыслового основания. Чувства и эмоции в исследовании рассматриваются в виде типичного эмоционального сценария, который определяется тремя ситуациями (каузации ЭС, пребывания в ЭС, проявлений ЭС), в составе каждой из которых находит отражение обозначение конституентов (субъект, вызвавший ЭС; причина ЭС; собственно ЭС; объект, на который направлено ЭС; поведенческие, звуковые и др. проявления ЭС). На семантико-синтаксическом уровне лексические репрезентанты чувств и эмоций организуются вокруг трех пропозиций, заданных предикатами «каузировать» ЭС, «пребывать» в ЭС, «проявлять» ЭС.

В настоящем исследовании пропозиция понимается как «отображение некоторого фрагмента действительности, некоторой ситуации» (И.М. Кобозева, 2000), «модель называемого положения дел» (В.А. Белошапкина, 1989).

Пропозитивный подход в работе коррелирует с ситуационным или событийным подходом к значению слова (А.А. Залевская, Н.Б. Лебедева), в котором аспектируется то, что «для пользующегося языком человека

значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу - пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную модель и т.п.» (А.А. Залевская, 1999). Подобный подход реализует основное положение нашей работы о «включенном» характере метафорической номинации любой фазы ЭС в представление об эмоциональной ситуации.

Поставленные в работе задачи определяют подходы к анализу материала:

1) единицы, в метафорическом значении репрезентирующие эмоциональную сферу и реализующиеся в высказываниях, рассматриваются нами в соответствии со сценарием возникновения, протекания и развития эмоционального состояния (внеязыковая действительность), обуславливающим структуру лексикализованной эмоциональной ситуации (языковой уровень);

2) анализ направлен на характеристику лексикализованной эмоциональной ситуации, конститuentами которой являются: каузирующий субъект, причина, процесс пребывания в эмоциональном состоянии, объект чувства, проявления состояния;

3) при квалификации слова (выражения) как единицы анализа представленность всех конститuentов эмоциональной ситуации в его семантической структуре не обязательна: «любая “фаза” эмоционального сценария способна существовать автономно, а актуализация даже одной из них в тексте может рассматриваться в качестве маркера эмоции» (С.В. Ионова, 2000);

4) метафорическое представление о чувстве или эмоции возникает на основании переосмысления исходной ситуации, которая может относиться к разным понятийным сферам (физическая деятельность, физиологические действия и состояния, качественные состояния и под.).

Положения, выносимые на защиту:

1) в восприятии представителей народной культуры эмоциональные состояния существуют как образные представления в виде определенных когнитивных схем, репрезентирующих базовые эмоциональные ситуации и реализованные в метафорических моделях;

2) процесс метафоризации основывается на проекции двух ситуаций: результативной, в пределах которой находит языковое отражение эмоциональная сфера человека (каузация ЭС, пребывание в ЭС и проявление ЭС), реализованная в переносном значении лексических и лексико-фразеологических единиц, и исходной, являющейся сферой-источником для переосмысления ЭС (единицы в первичных, исходных значениях);

3) в процессе метафоризации реализуется принцип «сдвоенности пропозиций»: конститuentы результативной ситуации отражают состав участников исходной ситуации;

4) метафорическое моделирование сферы чувств и эмоций преимущественно связано с переосмыслением сферы физического мира, включающего объекты мира животных и растений;

5) метафорические представления об эмоциональных состояниях подтверждают глубинное смысловое различие чувств как внутренних и эмоций как внешних состояний: для лексических номинантов чувств характерно метафорическое переосмысление ситуации «пребывание в ЭС», интерпретация ситуации «проявление ЭС» характерна для номинантов эмоций;

6) характер метафорических образов выявляет степень значимости чувств и эмоций для человека;

7) восприятие чувств и эмоций, реализованное в метафорических моделях, отражает сущность чувств и эмоций как психологических явлений.

Апробация исследования. Положения работы обсуждались на следующих конференциях: Региональная филологическая конференция молодых ученых (ТГУ, 2000); Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (ТПУ, 2001, 2003, 2005); Всероссийская научная конференция «Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы междисциплинарного синтеза» (Томск, 2003); IV Международная научная конференция «Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты» (ТПУ, 2004); IX Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (ТГПУ, 2005); а также на заседаниях семинара «Актуальные проблемы современной лингвистики» кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета (2004, 2005, 2006).

Содержание работы отражено в 9 публикациях.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и источников.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, описываются материал и методы его исследования, а также излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Когнитивный анализ метафорической интерпретации чувств и эмоций»** рассматриваются теоретические положения, актуальные для достижения цели исследования.

Когнитивные аспекты эмоций, их концептуализация, лексическая репрезентация и механизмы лингвистического описания являются

предметом многих научных изысканий (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.М. Вольф, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, М. Джонсон, Н.В. Дорофеева, С.В. Ионова, Л.Н. Иорданская, З. Кёвечес, Н.А. Красавский, Г.И. Кустова, Дж. Лакофф, Е.К. Лебедева, Е.Ю. Мягкова, Д.А. Романов, Т.А. Трипольская, В.И. Шаховский, Е.В. Урысон и др.), вместе с тем многие вопросы требуют более детального рассмотрения.

Эмоции имеют двоякий способ обнаружения в языке. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок. Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобно любой другой конкретно наблюдаемой реальности (Л.Г. Бабенко, 1989; В.Г. Гак, 1996, 1997). Это обуславливает и терминологическое разграничение: «**Лексика эмоций** сориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), а **эмоциональная лексика** приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функции)» (Л.Г. Бабенко, 1989). Объектом анализа в диссертационном исследовании является лексика эмоций: рассматриваются не языковые средства выражения чувств и эмоций (интонация, междометия, эмоционально-оценочная лексика, эмотивные предложения), но языковые описания эмоций, репрезентирующие эмоциональные концепты.

Неоднозначность понятий «чувство» и «эмоция» в разных теориях – то, с чем в первую очередь сталкивается лингвист-исследователь при обращении к теме эмоций и их означиванию в языке. В справочной литературе термины «чувства» и «эмоции» часто объясняются один через другой и употребляются как синонимы: «эмоция – чувство, переживание человека» (МАС, 1999); «чувство – внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание» (МАС, 1999); «эмоция – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действие» (К.Э. Изард, 2000) и т.д. Исследователи, изучающие лингвистику эмоций, в определении понятий «чувства» и «эмоции» пытаются последовательно систематизировать именованная с семантикой ЭС: в сферу эмоций включаются разные области психологических ощущений и состояний человека (физиологические реакции, настроения, желания и т.п.) (Л.М. Васильев, 1971; С.Е. Мыльникова, 1969), чувства и эмоции дифференцируются посредством выбора контекстуального окружения (А. Вежбицкая, 1996, 1999) или в соответствии с метафорической представленностью в языке: «“впечатления” – это то, что человеку *приносит* или *доставляет* окружающий мир, в эмоциональные состояния он *приходит*, *впадает* или *погружается* (в зависимости от типа состояния), а стихийные чувства

охватывают человека» (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, 2000) и др. Чтобы прояснить вопрос о сущности и систематизации чувств и эмоций, лингвисты обращаются к исследованиям по психологии, но и в этой науке задача построения целостной, многоуровневой теории эмоций до сих пор не решена.

Мы опираемся на точку зрения исследователей, рассматривающих чувства и эмоции как две ипостаси одного явления: эмоции истолковываются как кратковременные, ситуативные реакции организма на внешний или внутренний раздражитель, чувства же толкуются как относительно длительные социализированные отношения к объекту, вызванные этим объектом (А. Вежбицкая, 1996; Е.П. Ильин, 2001; В.А. Крутецкий, 1980; А.Н. Леонтьев, 1971; В.М. Смирнов, А.И. Трохачев, 1974; Н.И. Формановская, 2005 и др.).

В данном исследовании чувства и эмоции рассматриваются как эмоциональные явления, которые последовательно дифференцируются по характеру протекания и причине возникновения. **Эмоции** характеризуются кратковременностью протекания, причиной их возникновения является ситуация или событие: эмоция тревоги, вызванная какой-либо неприятной ситуацией (*Любого заденет [репрессия] – моего отца вон если посадили. Тогда действительно многих посадили (Верш.)*); эмоция умиления, вызванная приятными воспоминаниями (*Я вот как счас помню [как поп наставлял], дак у меня в груди тает (Верш.)*) и др. **Чувства** характеризуются долговременностью протекания, в качестве причины выступает эмоциональное отношение к лично значимому объекту: чувство горя по причине смерти сыновей (*В ентом доме никого нет. Четыре не вернулось [с войны], мать с горя померла (Верш.)*) и др.

В некоторых случаях не представляется возможным четко разграничить чувства и эмоции. Как отмечают психологи, одно и то же явление может выступать и в роли эмоции, как кратковременное острое переживание, и в роли чувства, как долговременная установка, отношение к данному объекту (К.Э. Изард, 2000; Е.П. Ильин, 2001). В ситуациях, когда речь идёт о чувствах и эмоциях как явлениях эмоциональной сферы (дифференциация понятий затруднена или не значима), для обозначения чувств и эмоций нами равнозначно используется термин эмоциональные состояния (ЭС).

Эмоциональная сфера личности представляет собой многогранное образование, в которое, кроме чувств и эмоций, входят многие другие эмоциональные явления: эмоциональный тон, настроение, эмоциональные свойства личности и др.

Под термином **«эмоциональный тон ощущений»** в психологических исследованиях понимается психическое переживание, для которого характерно реагирование на отдельные свойства объектов или явлений (запах химических веществ или вкус продуктов; звук, сочетание цветов; болевое воздействие и под.), воспринимаемое человеком как приятное или

неприятное (К.Э. Изард, 2000; Е.П. Ильин, 2001). Подобные состояния представляют собой «биологические эмоции», физиологические ощущения, которые не входят собственно в сферу чувств и эмоций, а соответственно, не являются объектом нашего исследования. Метафорические слова с исходной семантикой «эмоциональный тон ощущений» рассматриваются нами как исходная область метафорического переноса («физиологическое состояние») (Ср. *Ой, миленький мой! Как он страдал [сломав ногу]! – Он и сейчас страдает (Верш.); А сейчас большинство им [раком], страдает (Верш.)*), проецируемая в сферу результативного значения («пребывание в состоянии переживания чувства») (Ср. *Ишь как душа заболела об тете Вере, страдают (Верш.)*).

Настроение понимается как общее эмоциональное состояние, которое в течение определенного времени окрашивает переживания и деятельность человека (Н.Д. Левитов, 1964), душевное самочувствие, которое человек испытывает наряду с физическим самочувствием (Л.М. Веккер, 2000). Утвердилось представление о настроении как о некотором эмоциональном фоне, континууме, в котором «интенсивность выраженности эмоциональных переживаний может находиться в диапазоне от нуля (полного спокойствия, безразличия, т.е. отсутствия эмоционального реагирования) до максимальной величины эмоционального реагирования (аффекта)» (Е.П. Ильин, 2001).

В нашем исследовании настроение, наряду с собственно эмоциями и аффектами, включается в группу эмоциональных состояний человека и понимается как своеобразный «эмоциональный фон» переживаний - психическое состояние человека, положительная или отрицательная направленность которого определяется спектром эмоций, вызвавших подобное эмоциональное состояние.

Мы не выделяем в отдельную группу и такие эмоциональные состояния человека, как **аффекты**. Как отмечает А.Н. Леонтьев, «аффекты возникают в ответ на уже фактически наступившую ситуацию и в этом смысле являются как бы сдвинутыми к концу события, в то время как эмоции предвосхищают события, которые еще не наступили» (А.Н. Леонтьев, 1984). Учитывая характер «сдвинутости» аффекта к концу эмоционального события, мы рассматриваем аффекты как высокую степень проявления эмоционального состояния, при котором человек не контролирует свои действия и поведение.

Эмоции тесно связаны с мышлением, с когнитивной деятельностью: «эмоциональное переживание переплетается с соответствующим ему когнитивным процессом» (К.Э. Изард, 2000). Одним из аспектов при изучении эмоций в языковом воплощении (их оязыковление, концептуализация) являются вопросы соотношения эмоций и когниций: участвует ли сознание в «строительстве» эмоции или это явление бессознательное, в какой мере наш разум принимает участие в процессе воспроизведения переживания, что первично – эмоция или когниция и т.д.

В отношении вопроса о том, лежит ли эмоция в основе когнитивного процесса или наоборот, когнитивный процесс служит инициатором эмоции, отмечается правомерность двух точек зрения: «как эмоция может активировать когнитивный процесс и влиять на его протекание, так и наоборот» (К.Э. Изард, 2000). Проблему взаимодействия эмоции и когниции можно рассматривать в двух направлениях: 1) от когниции к эмоции (когниция является «условием» возникновения эмоции), 2) от эмоции к когниции (аспектируется влияние эмоции на мыслительный процесс).

Лингвистическое преломление проблемы видится в представлении эмоциональных состояний в виде когнитивных структур, явленных посредством апелляции к предшествующему эмоциональному опыту и реализованных в метафорических высказываниях, анализ которых во многом позволит «пролить свет» на чувства и эмоции как с лингвистической, так и с психологической точки зрения.

В аспекте соотношения эмоций и когниций большинство лингвистов аспектируют оценивание эмоциогенной ситуации (ситуации, каузирующей эмоцию) (Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф, В.Г. Гак). Как отмечает Е.М. Вольф, «когнитивными можно считать все оценочные теории» (Е.М. Вольф, 2002). В этом случае вопрос о соотношении когнитивных и эмоциональных процессов сознания непосредственно связан с вопросом оценивания, а понятие когниции синонимично акту осознания и оценивания ситуации. Подобное положение является решающим при разграничении эмоциональных состояний и физиологических ощущений (как реакций на физические раздражители). Так, встреча с вооруженным человеком в темной аллее может вызвать физиологическое возбуждение, но эмоция страха определяется когнитивной интерпретацией, оцениванием того, что может повлечь за собой данная ситуация: при этом субъект опирается на прошлое знание об употреблении ружья, о том, что может случиться в темноте и т.д. При отсутствии таких знаний физиологическое возбуждение не становится эмоцией (пример Е.М. Вольф, 2002). Когнитивный аспект эмоционального состояния являет собой связь эмоции и оценочного мнения: того, что мы ощущаем и того, что мы думаем о случившемся, как мы это осознаем. Если же подобного осознания не происходит, то любые физиологические проявления ЭС могут быть восприняты как знак других состояний (например, бледность, дрожь, учащенное дыхание и т.п. как признаки болезни).

При рассмотрении роли оценивания в эмоциональном состоянии исследователи (Е.П. Ильин, Е.М. Вольф, Ю.Д. Апресян и др.) учитывают 2 аспекта: оценка эмоциогенной ситуации (ситуации, вызвавшей ЭС) как хорошей или плохой (оценка 1), и оценка самого переживания как приятного или неприятного (оценка 2). «Оценка 1» узнается на основе семантики предиката ЭС (радоваться, горевать, печалиться) и определяет положительный или отрицательный характер ЭС (приятно или неприятно

данное положение дел для субъекта), а «оценка 2» позволяет субъекту «соотнести» данное состояние с прошлым «эмоциональным опытом» (дабы найти некоторое стандартное соответствие) и обуславливает дальнейшее поведение субъекта в состоянии переживаемой эмоции/чувства (желание пресечь или продлить подобное состояние). При всей несомненности акта оценивания в составе эмоционального состояния (как когнитивного фактора, возводящего ощущение в ранг эмоций), определяющим является то, что «эмоции представляют собой механизм репрезентации субъектом личностного смысла отраженных им явлений в форме оценки отношения этих явлений к реализации потребностей субъекта речи» (В.И. Шаховский, В.В. Жура, 2002).

Взаимодействие в составе ЭС когнитивного и эмоционального активизирует проблему выделения «основных», базовых ЭС (так называемые «биологические эмоции») и ЭС, производных от них (когнитивно и социально обусловленных), а также проблему классификации чувств и эмоций. Деление эмоций на **первичные** (фундаментальные, базовые, основные) и **вторичные** (производные) основано на убеждении, что существует некоторое количество эмоций, которые появились у человека врожденно (без влияния социума), они являются универсальными для всех людей и имеют одинаковое мимическое выражение, и вторичные – производные от первичных, возникшие в результате смещения первичных. В последнее время в отношении подобного деления ЭС исследователи все чаще говорят о взаимодействии, корреляции, а не дифференциации «базовых» и «социальных» эмоций, что считаем справедливым и закономерным: «эмоция по своей структуре предполагает как внутреннюю часть, исходящую из биологии, так и внешнюю, обусловленную идеологией; и если первая заставляет нас предположить автономность переживания, ограниченного только личностью, “ego”, вторая заставляет нас обращаться к социальному, приходящему извне» (П.Е. Клобуков, 1998).

Вопрос о соотношении биологического и социального факторов в структуре эмоций и, соответственно, в структуре их лингвистической репрезентации, закономерно связан с вопросом о классификации ЭС. В современной психологии эмоциональные явления классифицируются по многим признакам и основаниям: механизм возникновения, причины, вызывающие ЭС, вид контакта, вид потребностей, знак переживаний, их интенсивность и устойчивость, влияние эмоций на поведение и деятельность человека, первичный/вторичный характер и т.д., «оснований для классификации эмоций более 20» (В.К. Вилюнас, 1984). Но до сих пор отсутствует четкая классификация, которая была бы пригодна для лингвистики, т.е. позволяла соотносить иерархию языковых единиц с иерархией эмоций не произвольно, а системно, так как именно «систематизация чувств и эмоций дает семантические корреляты языковых объектов различных уровней» (Д.А. Романов 2004).

Попытки классификации и систематизации лексики с семантикой чувств и эмоций в русистике начинаются с работ Л.М. Васильева, Е.В. Мыльниковой, продолжаются в работах Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Бабенко, В.И. Шаховского и авторов «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» (О.Ю. Богуславская, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон) и др. В результате разных классификаций исследователи пришли к выводу, что «диффузность границ эмоций и чувств не позволяет создать их исчерпывающую классификацию и тем самым является основой для целостного представления в лингвистике в качестве формы отражения отношения человека к предметам и явлениям окружающего мира, способа оценки их личностной значимости для него» (В.И. Шаховский, 1987).

Вместе с тем исследователи отмечают «групповой» характер эмоций, проявляющийся в способности эмоциональных состояний к объединению, «базированию» вокруг некоторых основных, «доминантных» эмоций на основе когнитивного опыта человека (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Н.В. Витт, В.В. Жура, К.Э. Изард, П.Е. Клобуков, Д.А. Романов, В.Д. Соловьев, В.И. Шаховский), схожих между собой *по качеству* (Н.В. Витт, В.И. Шаховский), *модальности* (Д.А. Романов), отличающихся *по степени интенсивности* (А. Вежбицкая, Е.М. Вольф, В.И. Шаховский).

При разнообразии «групп эмоций», исследователи сходятся во мнении, что:

- группировка происходит вокруг одного, «более общего» ЭС (В.И. Шаховский, А.А. Жура), доминанты, или доминантного чувства/эмоции (Ю.Д. Апресян, Д.А. Романов), по которому часто называется вся группа. При этом доминанта не искусственно задана исследователем, а осознается и носителями языка (Д.А. Романов, 2004; В.Д. Соловьев, 2002, 2003, 2005): «доминанты – почти всегда лексемы первого плана, наиболее обработанные в языке и наиболее укорененные во всей отраженной в нем словесной культуре» (Ю.Д. Апресян, 1995);

- эмоциональные состояния внутри группы связаны отношениями, основанными на семантической общности, и образуют: синонимические ряды (Ю.Д. Апресян, 1993, 1995; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, 2000; Д.А. Романов, 2004; В.Д. Соловьев, 2002, 2003, 2005), группы, кластеры (В.И. Шаховский, В.В. Жура, 2001, 2002, 2003), функционально-семантические группы (Л.Г. Бабенко, 1989).

В данном исследовании лексические репрезентанты ЭС координируются в пределах семантических групп. Основанием для объединения чувств или эмоций в пределах единой семантической группы является: 1) синонимичный характер толкований номинантов эмоций в словарных дефинициях и контекстах; 2) общее представление о типовом сценарии возникновения, развития и протекания ЭС (*причина – пребывание в ЭС – проявления*), обозначенное нами как общее значение каждой СГ. Например, для эмоций СГ «Радость» это `состояние,

переживаемое кем-либо по причине восприятия какого-либо положения дел как приятного, хорошего для себя; основным проявлением подобного состояния является смех, веселье` и т.д.; 3) общность причины ЭС. Полагаем, что в типовом сценарии ЭС «причина» является наиболее важным смысловым компонентом, позволяющим как синонимизировать ЭС в пределах одной группы, так и дифференцировать эмоции и чувства разных групп. Так, если проявления у разных чувств и эмоций могут совпадать (плакать можно как от горя, так и от радости), то причина в виде «утраты чего-либо значимого для человека» позволяет включить ЭС в СГ «Горе» (общее значение: `глубокое переживание по причине утраты чего-либо (кого-либо) ценного для человека. Характерно проявление в виде слез и др. `).

В качестве одного из способов верификации (в отношении толкований переносных метафорических значений слов с семантикой ЭС) нами использовались определения чувств и эмоций, предложенные в лингвистической и психологической литературе (Ю.Д. Апресян, 1993, 1995; К.Э. Изард, 2000; Е.П. Ильин, 2001; Объяснительный словарь синонимов русского языка, 1999, 2000).

При формировании семантических групп важным является представление о существовании основных, базовых ЭС. Базовое ЭС на лексическом уровне отражается в имени доминантного ЭС, вокруг которого группируются чувства и эмоции, сходные по «общему значению». Доминанта называет эмоцию более общего характера, под доминантой нами понимается лексема, имеющая наиболее широкое лексическое значение и характеризующаяся наибольшей частотностью контекстуальных употреблений (в пределах имен ЭС одной семантической группы). Чувства и эмоции, заявленные нами как базовые, основные, доминантные, наиболее частотны в контекстах и словарных дефинициях, что свидетельствует о большей степени их освоенности и актуальности.

В данном исследовании выделено 8 семантических групп (доминантное ЭС – выделено): 1) **раздражение**, недовольство, обида, досада, злость, гнев; 2) **любовь**, влюбленность, дружба; 3) **горе**, страдание, печаль, тоска, скорбь; 4) **радость**, веселье, умиление; 5) **гордость**, зазнайство, высокомерие; 6) **тревога**, волнение, беспокойство; 7) **страх**, ужас; 8) **удивление**, изумление.

Эмоциональные состояния как объект отражения в языке недоступны прямому наблюдению, относятся к «невидимому миру» человеческой психики, а их языковое воплощение преимущественно представлено единицами вторичной номинации. Это актуализирует изучение эмоциональной лексики с точки зрения метафорического подхода, позволяющего обратиться к системе «тонких» смыслов, образов и ассоциаций, которые уже имеются в опыте носителей языка и интерпретировать эмоциональные состояния, представления о которых реализуются в метафорических единицах. В диссертационном

исследовании рассматриваются аспекты исследования метафоры в современной лингвистике и подходы к ее описанию.

В аспекте современной когнитивистики метафора рассматривается как «явление человеческого мышления и человеческого языка, несущее важнейшую функцию в познании и описании мира» (В.Г. Гак, 1993). В настоящее время оправданно говорить о метафоре как о концептуальном феномене, специфической форме когнитивного освоения и понимания человеком мира, свойстве его мышления.

Внимание к метафоре как к способу мышления возникло вместе с изменившимся взглядом на язык, который в настоящее время встраивается в систему других когнитивных механизмов человека, языковые структуры рассматриваются сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой, и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов.

В современной лингвистике активизировано обращение к отраженным в языке процессам мыслительной деятельности человека, и именно метафора понимается как базовая мыслительная операция и источник сведений об организации человеческого мышления (А.Н. Баранов, М. Джонсон, Дж. Лакофф, А.П. Чудинов и др.), вездесущий принцип языка, составляющий одну из сущностей языкового процесса (А.А. Ричардс), особый ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации, смысловых нюансов и оценки предмета (Н.Д. Арутюнова). «Метафора в своем языковом бытовании, функционировании проявляет диалектическое единство внутрисистемной и внешней обусловленности. Как у любой языковой единицы, семантика метафоры зависима от системы смысловых оппозиций, выстраивающихся в языке в каждый данный момент времени. И в то же время метафора интерпретируется не как явление собственно языковое, но как явление, характеризующее человеческую когницию в целом» (З.И. Резанова, 2003).

В настоящее время изучение метафоры возведено в ранг науки метафорологии и лингвометафорологии как ее раздела (О.Н. Алёшина, 2003).

На протяжении исследовательского интереса к метафоре в лингвистике сформировалось 2 подхода к ее описанию: **структурно-семантический** (восходящий к работам Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, Д.Н. Шмелева), с позиций которого механизм и результат метафорического переноса описываются посредством концепции значения (Е.М. Вольф, В.Г. Гак, Г.Н. Скляревская и др.), и **функциональный, когнитивный, концептуальный**, требующий при анализе метафор привлечения экстралингвистических знаний, так как «метафорическое смыслообразование базируется на системе культурных смыслов, архетипических образов и отражает весьма своеобразный способ интерпретации мира, воплощенный в языковых единицах» (З.И. Резанова,

2003). Метафора в этом случае рассматривается как «средство концептуализации сфер действительности через систему отсылочных образов» (Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, М. Джонсон, Дж Лакофф, В.Н. Телия, Ф. Уилрайт, А.П. Чудинов и др.).

Характерной особенностью последних работ в области метафоры является совмещение разных методик анализа. Современные исследования метафорического пласта русской лексики (О.Н. Алёшина, А.Н. Баранов, В.Г. Гак, Л.И. Ермоленкина, Д.А. Катунин, Н.А. Мишанкина, А.М. Мухачева, З.И. Резанова, А.П. Чудинов, Е.А. Юрина и др.) убеждают, что наиболее продуктивной методикой исследования метафоры является совмещение структурно-семантического и когнитивного, концептуального подходов.

Традиция описания метафоры как модели построения нового значения предполагает характеристику: 1) исходной понятийной области, к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении: описание ее структуры, типовых ситуаций (сценариев), относящихся к рассматриваемой модели фреймов и т.д., 2) описание новой понятийной области, или семантической сферы, к которой относятся охватываемые моделью слова в переносном значении, и 3) описание метафорической модели с точки зрения того, что дает основание для метафорического переноса, или «почему понятийная структура сферы-источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы» (А.П. Чудинов, 2001).

Метафора как «способ мышления» изучается на материале различных функциональных разновидностей общенационального языка. В аспекте современной метафорологии находятся исследования, направленные на изучение диалектной лексики (О.И. Блинова, Л.Г. Гынгазова, Т.А. Демидова, Л.И. Ермоленкина, Н.Б. Лаврентьева, Н.А. Лукьянова, О.А. Новоселова, И.Я. Пак, М.И. Черемисина, Е.А. Юрина и др.).

В диссертационном сочинении описаны аспекты изучения чувств и эмоций в лингвистике. Традиционно семантическое описание имен эмоций рассматривается в двух аспектах: смысловом и метафорическом (Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, 1993). В русле смыслового подхода (А. Вежбицкая, Л.Н. Иорданская) языковое обозначение чувств и эмоций описывается через прототипические ситуации, в которых они возникают, в русле метафорического подхода эмоции рассматриваются через разнообразные метафоры: любовь – путешествие (Дж. Лакофф, М. Джонсон, 1990), пространственные метафоры чувств и эмоций (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, 2000), образы: предметов и веществ, свойств стихий и сил природы, абстрактных имен и имен лиц как сфера-источник для метафоризации психической сферы (Н.Д. Арутюнова, 1999) и др.

Метафоры чувств и эмоций изучаются в пределах:

- эмоциональной концептологии (С.Г. Воркачев, Н.В. Дорофеева, Н.А. Красавский, А.Б. Пеньковский, Ю.С. Степанов, и др.);

- исследований, направленных на изучение семантических процессов в языке и механизмов метафоризации (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.А. Васильева, Г.И. Кустова, Е.К. Лебедева и др.);

- изучения текстовой и речевой эмотивности (Л.Г. Бабенко, С.В. Ионова, Е.Ю. Мягкова, В.И. Шаховский, Т.А. Трипольская и др.).

Достаточно продуктивны исследования в области концептуализации чувств и эмоций. Известно, что знания о мире в нашем сознании организованы в виде абстрактных ментальных единиц: фреймов (М. Минский), скриптов, сценариев (Р. Абельсон, Р. Шенк), ментальных моделей (М. Джонсон), моделей ситуаций (В. Кинч, Т. ван Дейк), которые организованы вокруг некоторого концепта (С.В. Ионова, 2002). Эмоциональный опыт способен накапливаться, храниться, кодироваться знаковыми средствами, воспроизводиться и адекватно восприниматься окружающими. В роли концептуализатора знаний об эмоциях выступает человеческое сознание/мышление, в пределах которого осуществляется процесс накопления, обобщения и конструирования знаний об эмоциональной жизни и языкового кодирования. Иными словами, происходит концептуализация чувств и эмоций, а «слово, называющее или выражающее ту или иную эмоцию, концептуализированную и лексикализованную, «является кодированным хранителем всех лингвистических и экстралингвистических знаний Homo sentiens о ней» (В.И. Шаховский, 2003).

При означивании эмоций в языке они приобретают собственное содержание, репрезентируясь в эмоциональных представлениях или когнитивных образах. Представления человека о его внутреннем мире образуют в сознании эмоциональную концептосферу, состоящую из системы эмоциональных концептов, ядром которых являются базовые эмоции.

В данном исследовании вопрос об эмоциональных концептах затрагивается лишь косвенно и рассматривается опосредованно: в высказываниях с семантикой эмоциональной деятельности сублимированы представления диалектоносителей о чувствах и эмоциях, что позволяет говорить о концептуализированной эмоциональной сфере. Концепт трактуется нами как «некоторая часть единой картины мира, стоящая за словом в сознании индивида и представленная прототипической моделью, которая может быть описана средствами естественного языка» (О.О. Будянская, Е.Ю. Мягкова, 2002).

При всей важности и необходимости метафорического подхода в изучении эмоций в лингвистике исследователи отмечают его определенную ограниченность, ввиду того, что конечным «продуктом» лингвистического анализа является метафора без учета семантической мотивации (Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, Е.Ю. Мягкова). Становится непонятным, «почему та или иная метафора ассоциируется с определенной эмоцией. Между физической мотивацией и самой

метафорой отсутствует языковое, семантическое звено» (Ю.Д. Апресян, 1995). Подобной ограниченности, по нашему мнению, позволит избежать:

- использование метода метафорического моделирования языковых структур, в пределах которого реализуются приемы структурно-семантического и когнитивного подходов, а метафора эмоций при анализе интерпретируется в качестве процесса, обеспечивающего «вхождение» эмоций в структуры знаний и представлений человека о мире;

- включение в материал анализа номинаций не только «физических проявлений» ЭС, реализованных в пределах так называемых «симптоматических выражений» (Ю.Д. Апресян, Л.Н. Иорданская и др.), но также единиц, обозначающих каузацию и пребывание в ЭС, посредством коррелирующего анализа метафорических репрезентаций которых нами выявляются основные когнитивные метафорические модели чувств и эмоций, отображающие типичный эмоциональный сценарий (*причина – состояние – проявление*);

- сплошная выборка материала для анализа, что обеспечивает достаточную объективность результатов анализа.

Данное исследование направлено на формирование **целостной** картины эмоциональных состояний, реализованной в метафорических языковых структурах среднеобских говоров.

Вторая глава **«Метафорические модели чувств и эмоций в среднеобских говорах»** включает описание принципов и методики исследования и посвящена реконструкции основных метафорических моделей чувств и эмоций.

Методика анализа метафорических наименований чувств и эмоций обусловлена представлением об эмоциональном состоянии как об определенном сценарии, «фазы» которого находятся между собой в определенных отношениях. В эмоциональный сценарий включаются: носители состояния, эмоциональное состояние, причина состояния (Е.К. Лебедева, 1991), субъект эмоции, само ЭС, его причина (Е.М. Вольф, 1989), первопричина эмоции, непосредственная причина эмоции, собственно эмоция, обусловленное эмоцией действие, внешнее проявление эмоций (Ю.Д. Апресян, 1995) и под. Мы представляем типовой эмоциональный сценарий в виде следующей триады: **каузация – эмоциональное состояние (пребывание в ЭС) – проявление**. В лингвистическом представлении – это отражение, объективация ситуации развития эмоций, определяющиеся типом предиката (каузировать ЭС, пребывать в ЭС, проявлять ЭС).

Каждый из элементов последовательного развития эмоциональной ситуации («фаза» эмоционального сценария) может быть выражен метафорически. Этапы, фазы эмоционального сценария именуются набором лексем, объединяемых в семантические подгруппы (СПГ) в пределах каждой семантической группы (СГ **«горе»**: СПГ «каузация», СПГ «состояние (пребывание)», СПГ «проявление»; СГ **«радость»**: СПГ

«каузация», СПГ «состояние (пребывание)», СПГ «проявление» и т.д.). СПГ представляют собой языковую экспликацию «фаз» эмоционального сценария с определенным набором конститuentов.

Метафорические наименования чувств и эмоций рассматриваются нами как смысловая проекция элементов исходной ситуации, уподобляемой одному из этапов возникновения и протекания ЭС. Координирующим звеном при «сдвоенном» видении результативной ситуации (эмоциональная сфера) сквозь призму исходной ситуации (другие семантические сферы) является типичный эмоциональный сценарий ЭС и пропозитивная структура его фаз, что позволяет целостно описать эмоциональную ситуацию.

Структура анализа в работе ориентирована на анализ «событийных» ситуаций, обозначенных предикативными центрами (*каузировать, пребывать, проявлять*). Данные предикаты организуют и соответствующие конститuentы ситуации, вследствие чего анализу подвергаются фрагменты, обозначающие лексикализованные ситуации каузации, пребывания и проявления эмоциональных состояний, реализованные в метафорических единицах: **каузировать** ЭС (*сокрушить* `повергнуть в печаль, уныние`; *шевелить* `беспокоить, тревожить`; *раскочегарить* `развеселить` и др.), **пребывать** в ЭС (*плакать* `горевать`; *помирать* `тосковать` и др.), **проявлять** ЭС (*рёвушком реветь, выть, гоготать* и др.).

Метафорические высказывания с семантикой чувств и эмоций анализируются через соотнесение с высказываниями, репрезентирующими исходную сферу семантики. Это могут быть ситуации **физического деструктивного воздействия** (*бить, хлестать, подшибить, фуговать, брить* и т.д.), **качественных состояний** (*таять, окаменеть, околеть* и т.д.) и др.

Сценарий возникновения и протекания ЭС может быть представлен в виде следующей схемы (результативная семантика):

$$У \rightarrow C \rightarrow X \rightarrow S \rightarrow (O) \rightarrow P$$

В этом доме никого нет. Четыре не вернулось [с войны], мать с горя померла (Верш.).

Смерть сыновей является причиной (С), каузирующей у матери (Х) чувство горя (S).

Данный сценарий в метафорических именовании чувств и эмоций предстает как проекция сценария развития другой ситуации (исходная семантика), относящейся к другим семантическим сферам (физическая деятельность, физиологические состояния и под.).

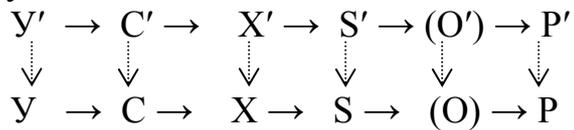
Структура ситуации исходной семантики может быть представлена в виде следующей схемы:

$$У' \rightarrow C' \rightarrow X' \rightarrow S' \rightarrow (O') \rightarrow P'$$

Он его ударил, мозжечок вот этот ему повредил (Верш.).

Некто (Y') воздействует физическими действиями в виде удара (ударов) (C') на некоторого (X'), каузируя болезненное ощущение (S').

Метафорическое переосмысление осуществляется как процесс координации ситуаций, осуществляющийся посредством «наложения», проекции результативной и исходной ситуаций. Результатом переосмысления является эмоциональная ситуация, представленная следующей схемой:

Конституенты эмоциональной ситуации (результативная семантика) переосмысляются в образах ситуации исходной семантики.

В главе последовательно рассмотрено метафорическое моделирование в пределах каждой СГ.

Для эмоций СГ «**Раздражение**» (эмоции *недовольство, раздражение, обида, досада, злость, гнев*) характерна реализация следующих метафорических моделей:

- *эмоциональная ситуация раздражения – ситуация физической деятельности.*

Ситуация каузации раздражения переосмысляется через ситуацию деструктивного физического воздействия в образах нанесения ударов, повреждения тела живого существа при помощи колющих, режущих и других деструктивных действий (*канать, уколоть, грызть* и т.д.), присоединения (*привязаться, прицепиться, пристать, прискребаться, липнуть* и т.д.). Субъект каузации метафоризируется через образ «объекта» с колющими образованиями (*колючка, ёрш, ехидина* и т.д.) или как нечто липкое/цепкое (*репей, лепкий, липуша* и т.д.).

Ситуация проявления раздражения в резкой словесной форме соотносится с метафорическими образами повреждения кожного покрова человека (*ошпарить, грызться, взъестся* и т.д.); деструктивного воздействия на объект при помощи специального инструмента (*фуговать, брить* и т.д.); стремительного столкновения, прикосновения или атаки (*наплыть, наброситься, попереть* и т.д.).

Пребывание в ситуации проявления эмоции раздражения переосмысляется через пребывание в ситуации физического процесса (повышение температуры, горение): *воспылать, раскалиться, кипеть, горячиться, гореть* и т.д. Субъект каузации переосмысляется как объект, пребывающий в подобном состоянии (*калёный утюг, горячий, горячка, ♦ горячий как камень* и т.д.).

- *эмоциональная ситуация раздражения – физиологические действия и состояния.*

Состояния животных проецируются на ситуацию проявлений эмоции раздражения в виде определенного поведения или производимых звуков (*звереть, озвереть, диковать, тьякать, лаяться, вспетушиться,*

скрыситься, выть и т.д.). Образ субъекта раздражения является результатом переосмысления «поведенческих» или «звуковых» проявлений состояния зверя (*зверь, звероватый, дикий, медведица, собачливый* и т.д.).

Ситуация пребывания человека в процессе проявления эмоции раздражения (ругаться, ссориться, браниться и т.п.) интерпретируется через образы физиологических действий деструктивной направленности (*съесть, съисть, сглотнуть* и т.д.).

ЭС СГ «**ЛЮБОВЬ**» (чувства *дружба, влюбленность, любовь*) интерпретируются в рамках метафорических моделей:

- *эмоциональная ситуация любви – ситуация физического перемещения.*

Стремление привлечь внимание объекта любви, процесс ухаживаний (ситуация каузации) метафорически интерпретируется через образы поступательного движения субъекта, ориентированного относительно конечного пункта (*бегать, гоняться, табуном ходить* и т.д.) или кругового направленного перемещения объекта (*закрутить голову*).

Эмоциональная ситуация пребывания в состоянии любви, отношения влюбленных переосмысляются в образах разнонаправленных движений (*ходить, мотаться, трепаться* и т.д.) и физических перемещений в виде приведения объекта в круговое, вращательное движение (*крутить, водить за нос, покрутить, покручивать, вертеть хвостом* и т.д.). На основе образа кругового, вращательного перемещения как любовных отношений переосмыляется субъект чувства (*крутень, вертихвостка*).

- *эмоциональная ситуация любви – ситуация физической деятельности.*

Ситуация каузации любви в виде настойчивых ухаживаний переосмыляется в образе физического воздействия деструктивной направленности в виде интенсивного действия (*хлестать*) или присоединения (*присасываться, вязаться, привязать, привораживать* и т.д.).

Ситуация физической деятельности проецируется на ситуацию пребывания в состоянии любви. Процесс зарождения, начала любви интерпретируется в образах завершения интенсивного физического действия (*врезаться, втрескаться*) или присоединения (*прильнуть, слепиться, прильнуть, прикипеть*).

- *эмоциональная ситуация любви – ситуация существования, бытия.*

Забота, внимание к объекту любви с целью добиться его расположения (ситуация каузации любви) интерпретируется как ситуация создания необходимых условий существования для растений или животных (*ухаживать, пасти, девичий пастух*).

Пребывание в состоянии дружбы переосмыляется через метафорические образы повседневной деятельности (*гулять, играть, водиться*). *Наименования объектов любви* замещают образы объектов

окружающего мира, входящие в личную сферу носителя диалектного сознания (*голубка, сокол, касаточка, былинка, магароля, медунка, ягодка* и т.д.).

Метафорическое моделирование СГ «Горе» (чувства *печаль, горе, страдание, тоска, скорбь*) реализовано в следующих моделях:

- *эмоциональная ситуация горя – ситуация бытия, существования.*

Ситуация пребывания в состоянии горя переосмысливается как ситуация переживания определенного этапа жизни (*бедовать, перенести, мыкать, прожить*) или прерывание / прекращение существования (*помирать, убиваться, выболеть, хватить*).

- *эмоциональная ситуация горя – ситуация физической деструктивной деятельности.*

Ситуация каузации чувства горя переосмысливается через ситуацию физического воздействия на объект (*морить, травить, сокрушить, ударить, напасть, задавить, подшибить, забить*), в качестве субъекта которой может выступать человек, олицетворенное эмоциональное состояние или физиологическое состояние болезни. Пребывание в состоянии горя уподобляется физическому страданию.

- *эмоциональная ситуация горя – ситуация физиологического состояния.*

Ситуация пребывания в состоянии переживания чувства горя переосмысливается в образе болезни организма, деструктивно воздействующей на человека и разрушающей живые ткани, прежде всего сердце (*болезнь, сердце плачет, сердце рвется на части, сердечко ноет, выболеть*).

- *эмоциональная ситуация горя – ситуация изменения качественного состояния.*

Душевное состояние человека в ситуации переживания горя может уподобляться изменению физического качества чего-либо (*каменный, каменеть, ♦ как камень*). Ситуация пребывания в состоянии переживания тоски переосмысливается в образах ненастной, сумрачной погоды (*меркатно, меркатить, меркатной*).

- *ситуация проявления чувства горя – звуковая деятельность.*

Выражение горя в виде плача, рева, характерное в пределах лексического описания ситуаций, связанных с переживанием горя как очень глубокого чувства (чаще по причине смерти кого-либо) или в которых плач обозначает «ритуальное» действие (вой над покойником и под.), интерпретируется в образах звуков животных (*выть, реветь, ♦ рёвушком реветь*) или звуков, вызванных какой-либо деятельностью (*хлюпать* и т.д.).

Выражение горя в виде слез, плача, рыданий становится сферой-источником для переосмысления ситуации пребывания в состоянии горя (*плакать, вылить слезы, река слез, слезами умыться, хватить сладку до слез* и под.).

Таким же образом в диссертационном исследовании представлено метафорическое моделирование других СГ.

Характер метафорических образов выявляет степень значимости чувств и эмоций для человека и позволяет говорить о характере восприятия эмоциональной сферы.

Наиболее значимыми для представителей народной культуры являются чувства семантических групп «любовь», «горе» и «раздражение». Для интерпретации чувств **любовь** и **горе** характерно направление метафорической деривации «*эмоциональная ситуация ← ситуация бытия, существования*»: переживание подобного чувства воспринимается как значимый период, включенный в цикл жизни. Горе метафоризируется как неприятный отрезок жизни, для любви характерно переосмысление через ситуации повседневной деятельности, образы объектов физического мира, значимых для человека. Широкое распространение эмоций СГ «**раздражение**» объясняется внешним характером раздражения как *эмоции*: это обуславливает репрезентацию фаз «каузации» и «проявления», обозначенных преимущественно номинантами сферы речевой деятельности (упреки, надоедливые просьбы и под.), активно представленной в языковой системе среднеобских говоров.

Эмоциональные состояния, воспринимаемые как ненормативные или характеризующиеся как разрушительные для человека, переосмысляются в пределах направления метафорической деривации «*эмоциональная ситуация ← ситуация физической деструктивной деятельности*» (**раздражение**, **злорадство**, чрезмерный смех как выражение радости) или репрезентируются в образах ненормативного поведения (**раздражение**, **гордость**).

Эмоции, воспринимаемые как неприятные, но не вызывающие резко негативное отношение (**тревога**, **страх**, **удивление**), переосмысляются в образах временных изменений внешнего характера или нарушений деятельности.

Положительное восприятие ЭС подчеркивается образами объектов окружающего мира, близких для человека (образы *птиц, растений* и др. в позиции замещения объектов любви).

Выявлено общее представление о сфере чувств и эмоций в говорах Среднего Приобья.

Любовь и **горе** воспринимаются как естественные, не чуждые для представителей крестьянского мировидения, чувства. Любовь (как обозначение любовных отношений) рассматривается двояко: 1) истинное, настоящее, глубокое чувство (что реализуется в образах единения, обыденной деятельности) и 2) обозначение отношений «вне брака», характеризующихся временностью протекания и лживостью (образы кругового перемещения и вращательного движения, разнонаправленных движений). Горе осмысляется как очень глубокое и неприятное чувство, но

воспринимается как состояние, являющееся жизненной нормой, периодом, который «уравновешивает» сущность бытия (Ср. *Всё было, а предложь мне сейчас заново зажечь – ить не соглашуся. Потому что на каждую горьку минуточку сладка выпадаат (Алат.)*). Чувство горя неизбежно и его нужно пережить, перетерпеть, испытать до дна. Выявлено 2 представления о горе: 1) горе как ЭС, вызванное переживаниями неприятностей в жизни (бытовые трудности, бедность, война и т.п.) (горе-страдание); 2) горе как переживание тоски по поводу смерти близкого человека или утраты чего-л. ценного в жизни (горе-тоска).

Раздражение воспринимается как негативная эмоция, характеризующаяся внешней направленностью и разрушительная для субъекта и объекта подобного ЭС.

Нормативно, не чуждо воспринимается эмоция **радости**, чаще обозначаемая через ситуацию смеха, веселья. Вместе с тем чрезмерный, сильный смех является объектом негативного восприятия, о чем свидетельствуют метафорические образы смеха как деструктивной деятельности.

Эмоции **удивления**, **тревоги** и **страха** актуализированы в системе мировосприятия носителей языка, но представляют собой внезапные, быстро проходящие состояния, воспринимаемые как временное нарушение привычного течения жизни, не входящие в личную сферу человека.

Чуждой в восприятии представителей народной культуры является эмоция **гордости**, воспринимаемая как ненормативное состояние.

Характер метафорического переосмысления чувств и эмоций отражает их особенности как явлений психологии и физиологии:

- подтверждается глубинное смысловое различие чувств как внутренних и эмоций как внешних состояний: в рамках метафорического моделирования номинантов **эмоций** объектами метафоризации преимущественно являлись ситуации внешнего проявления (*выражение радости в виде смеха, упреки, брань как выражение раздражения, неестественное поведение как проявление гордости* и под.), переосмыслению в пределах ситуаций, обозначенных номинантами **чувств**, преимущественно подвергалась фаза «пребывание» в ЭС (*горе как переживание, проживание* какого-либо неприятного периода жизни, *любовь* как отношения любящих людей, интерпретируемые как *деятельность, характерная для обычной жизни человека*) и под;

- переосмысление ситуаций пребывания в состоянии переживания эмоций **тревоги**, **удивления** и **страха** в образах физического ощущения организма (*дрожь, озноб, холод*), временного нарушения деятельности организма (*околеть, остоленеть, язык отнялся, околеть* и под.) или изменения внешнего вида человека как реакции организма (*волосы шиишом, волос дыбом*) является отражением близости заявленных ЭС с точки зрения психологии. Тревога, страх и удивление включаются в разряд эмоций «ожидания и прогноза», для которых характерно «острое

внутреннее бессодержательное переживание, связанное в сознании индивида с прогнозированием неудачи, опасности или же ожидания чего-то важного, значительного в условиях неопределенности» (Е.П. Ильин, 2001). Такое значительное, важное событие, вызывающее обозначенные эмоциональные состояния, реализуется на уровне метафорического переосмысления в образах физических деструктивных действий (*поразить, холодом хватить, задеть* и под.), вызывающих телесные ощущения организма, проецируемые на душевные ощущения человека в состоянии переживания ЭС.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и намечаются его перспективы. Проведенное исследование показало, что внутренний мир воспринимается как составляющая часть жизни, неотъемлемый компонент существования человека в мире. Прослеживается глубокая корреляция между внутренним миром и «физической», внешней, бытовой жизнью человека. В метафорической интерпретации эмоциональной сферы человека находят отражение отношения между людьми, отношения человека с природой, физиологические состояния, физическая деятельность, отношения с животным миром.

Основным итогом работы является представление фрагмента диалектной языковой картины чувств и эмоций.

Перспективы работы связаны с исследованием когнитивных метафорических моделей ЭС и сравнении концептуализации эмоциональной сферы в других диалектных и языковых системах.

Метафорические представления о внутреннем мире человека позволят дополнить научную картину чувств и эмоций.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Коберник Л.Н. Метафорическая интерпретация чувств и эмоций (к постановке вопроса) // JUVENILIA: Мат-лы Региональной филологической конф. молодых ученых. Вып. 5 (24 марта 2000 года). – Томск: Изд-во ТГУ, 2000. – С. 60–62.

2. Коберник Л.Н. К вопросу о мотивирующих образах метафорических оценочных именовании чувств и эмоций // Сб. науч. ст. и тезисов I Межвузовской науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры». – Томск: ТПУ, 2001. – С. 90–93.

3. Коберник Л.Н. Чувства и эмоции в обучении русскому языку как иностранному // Преподавание русского языка в условиях глобализации и интернационализации образования: Мат-лы Международной науч.-практ. конф. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2003. – С. 49–51.

4. Коберник Л.Н. Метафорическая интерпретация чувства влюбленности в русских народных говорах // Коммуникативные аспекты языка и культуры. III Всероссийская науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Сб. науч. тр. / Под. ред. С.Б. Велединской. – Томск: Изд-во ТПУ, 2003. – С. 40–44.

5. Коберник Л.Н. Метафорическое моделирование языка чувств в русских народных говорах: к обоснованию подхода // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Сб. науч. тр., посвящ. 10-летию кафедры РЯЛ ИЯК ТПУ / Под. ред. З.И. Резановой. – Томск: STT, 2004. – С. 178–184.

6. Коберник Л.Н. Метафорические именованья чувств и эмоций как фрагмент языковой картины мира в обучении русскому языку как иностранному // Изучение русского языка и русской культуры в странах АТР: 15 лет РКИ на Дальнем Востоке. Мат-лы II Международной науч.-практ. конф. (13–14 апреля 2005 года). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – С. 33–34.

7. Коберник Л.Н. Метафорическая интерпретация чувства горя в сибирских диалектах // Мат-лы IX Всероссийской конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (25–29 апреля 2005 г.): Том 2, ч. 2. Филология. – Томск: ТГПУ, 2005. – С. 159–164.

8. Коберник Л.Н. «Горе» и его «производные»: метафорическая интерпретация в сознании сибирского диалектоносителя // Сб. мат-лов Всероссийской науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры». – Томск: ТПУ, 2005. – С. 309–311.

9. Коберник Л.Н. Метафоры чувств и эмоций: аспекты анализа и принципы изучения // Вестник Томского государственного университета. Приложение. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006, № 6. – С. 43-53.